

16+

Элла Нестерик

Прощание с Эгой

Моя путевая да непутёвая
сага :)

Элла Владимировна Нестерик

Прощание с Эгой. Моя

путевая да непутёвая сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28990006

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-12743-2

Аннотация

Семейная пара с собакой отправляется в путешествие по России. В планах у них посетить сначала Горный Алтай, а оттуда добраться до Сочи. Однако уже после первой ночевки в поле становится ясно, что это земное их путешествие будет сопряжено с еще одним – по невидимым параллельным, запредельным, потусторонним мирам с неким загадочным существом по имени Эга в качестве гида. Она учит главную героиню мудрости жизни, летать, бегать по звездам и прочим волшебным вещам. Эга приходит к ней обычно ночью и лишь один раз является днем. Чем же закончится эта встреча для героини? Куда заведет в итоге ее это существо?

Содержание

Глава I. Рубеж	4
Глава II. Дух Чои	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава I. Рубеж

Опять этот нескончаемый монолог. Как же я ненавижу себя за него...

– Останови машину! Останови, говорю!

– Не дури.

– Я серьёзно! Разворачивайся! Мы никуда не едем!

Не стоило говорить за двоих, разумеется, но я была вне себя. Он ехал дальше, вперёд, вполне себе сохраняя спокойствие. Во всяком случае, таким он казался снаружи. Меня же несло. Не по-детски.

– Разворачивайся! Или я выпрыгну прямо на ходу!

– Успокойся. И так дорога хреновая, ещё ты тут под руку орёшь.

Он сказал это без упрека почти. Причем я не уверена, что последнее он именно произнёс, а не подумал. Да и вообще, я в последнее время почти что ни в чем не уверена. Включая и то, что эта давно запланированная и трепетно ожидаемая поездка состоится-таки. Ведь всё под угрозой сорваться! Психический Армагеддон!

Каким-то чудом, которое я склонна называть непротивлением моего мужа (он так и продолжал вести машину, спокойно и сосредоточенно на вид, нисколько не поверив в серьёзность моих выплунутых слов), точнее, его иммунитетом к моим заскокам (хитрец, он знал, как я рвалась в эту по-

ездку, как ей жила), я в этот раз сдалась довольно быстро и перестала митинговать, уставившись всё ещё с недовольным видом в окно на пролетающий пейзаж.

Пейзаж... Должно быть, это громко сказано. Уже изрядно обесцвеченная летним зноем степь, время от времени переходящая в довольно неказистые выпуклости почвы, изображающие собой подобие то сопки, то холма. Ничем непримечательные поселения. Куда-то и откуда-то под видом речки и без участия текущая вода. Расплесканные по обочинам закамышелые болотца и ростом неудавшиеся деревья, бросающиеся в глаза то правильностью насаждений, то их редкостью, а то единоличностью отдельно отстоящих стволов и их ветвей. И это при моей неприхотливости и при моей способности узреть прекрасное там, где для большинства его в помине нет! Я была явно далеко не в лучшем состоянии. Но, тем не менее, гроза прошла.

Кстати о грозах. Не в переносном смысле. Случалось вам когда-нибудь вдруг оказаться под обстрелом молний, под прессом туч, словно бы жаждущих всё потопить? Мы как-то с мужем попали в эдакую переделку. В буквальном смысле продирались пузом по грязи распаханного поля, замирая и вдавливаясь в грунт всем существом в очередной «бомбежке».

– Голову не поднимай!

– Ох, чёрт, как близко. Аж жаром обдало. Тебе не кажется, она охотится за нами?

– Похоже. Но не думаю, что там присутствует какой-то интеллект. Давай вперёд, пока затишье.

Мы с силой выдираемся из грязи. Вода и слякоть, пропитавшие одежду, придают нашим потугам замедленный эффект. Такое чувство, что ты тащишь неподъемный груз. А надо проскочить. Хотя б немного. До следующих раскатов. Ещё пару шагов. К спасительным заборам окраинных домов. Там люди. Там мы в безопасности. По крайней мере, не одни в неравной схватке с разбушевавшейся грозой. Так же, должно быть, рассуждали первобытные наши собратья, спеша укрыться в комфортабельных пещерах от многочисленных превратностей судьбы. Эх, ностальгия))) Однако я серьёзно отвлеклась.

Итак, куда мы едем?

Ближайший и главнейший на момент пункт назначения – Алтай, та его часть, что называют «горный». И я уже предчувствую, что мне там обязательно понравится, хотя бы только потому, что горы – моя слабость и мечта. Я в детстве в них влюбилась во время пребывания у родственников в приветливой деревне на границе Казахстана и Китая и с тех пор неудержимо к ним рвалась. А вот спросите меня прямо почему, и я вот так вот сразу не отвечу. Это из области каких-то ощущений, вибраций, что случаются вблизи подобных мест. Они-то, как мне кажется, и создают ту тягу, которая потом активизируется даже при взгляде на картинку гор. Там высоко, там тесно, там опасно. Но в то же время есть и чувство

защищённости, стабильности и «крепкого плеча». Я ОБО-
ЖАЮ горы!

Пока что все идёт по плану, за исключением моего психа, вызванного очередным несущественным замечанием Коли (мужа то бишь) на мой счёт. Что-нибудь о моем поведении – слишком громко сказала (Но ведь я преподаватель! Мне по долгу службы положено громко вещать!), слишком тихо ответила (Ну, так вроде бы рядом сидим. Кто тебе виноват, что музА у тебя так орёт?), слишком долго соображаю (Но ведь я не обязана быть компетентной во всем?), слишком быстро рассказываю, не успеваю следить (Потому что не слушаешь, голова другим занята...) и т.п. В его компании мне кажется порой, что я состою целиком из одних недостатков и максимум на что ещё гожусь, так это быть отправленной в утиль. Ох, доля моя, доля...

В экипаже, который претенциозно зовётся Приора, нас двое, прямо как у Джерома, не считая собаки. Позади, все равно что на ложе, возлежит любимица наша по имени Дашка, спаниэлиха русских кровей. Ей всего-то два года, а она – уже повидавшая мир путешественница. Одного лишь присутствия этой зверюги достаточно, чтобы сгладить волнение и жужжащее ощущение непредвиденности обстоятельств, каковые всегда посещают в начале пути.

Дашка – супер-охранник и надёжный защитник от голода, перегрева и долгой езды с затеканием нижних конечностей, ибо лаем срабатывает на любое движение в радиусе обзоре.

ния, а зажарившись и подзамайавшись, выставляет свой фейс между нами, намекая так на побегать, поесть и попить, ну, а ежели свезёт, то и водные процедуры, для чего ей и лужа сойдёт. А ещё эта псинка умеет неплохо развлечь нас, когда, будучи в возбуждённом расположении духа, начинает с отрывистым лаем носиться вокруг и играючи нападать. Я её бесконечно люблю.

Даже трудно представить, что не так уж давно я была совершеннейше против ее появления в нашем доме, а когда таковое случилось-таки, не сразу её приняла. И причина не в том, что я не приемлю домашних животных. В корне наоборот! Сколько помню себя, всю дорогу жила среди них. Но тогда, незадолго, потерялся другой мой любимец, Кузяшка, кобелёк дворянской породы. Он ушёл погулять и пропал. И вся жизнь моя, во всех смыслах, недвусмысленно шла под откос. И кто знает, быть может, как раз этот сгусток энергии, эта лающая «торпеда» помогла мне в значительной мере воспрять. Словом, тут я признательна Коле, что он не слушал меня.

В этот раз на разладе и новых колесах мы практически долетели до места встречи двух государств, то бишь границы. Как же я не люблю такие места! В них себя ощущаешь чуть ли не преступником, сбегаящим от наказания в другую страну, или контрабандистом, скрывающим запрещенный товар, а ещё террористом, которым интересуется Интерпол. Персонал их ведёт себя часто неспешно, снисходительно-прене-

брежительно, деловито-сурово.

На своей стороне как-то сразу создался напряг, словно внешнее вторило всё ещё раздосадованному нутру. Пока мы ползли в очереди из машин к долгожданному рубежу, нам велели пройти с документами к будке, стоявшей невдалеке, для какой-то первоначальной проверки. Там к окошку лицом и на нем полулежа, встретил нас молодой, но уже жутко важный джигит. Такой важный, что я в порыве сознательности сообщила ему о нашей одушевлённой поклаже:

– У нас собака ещё в машине с собой. Документы все есть. Если надо, я принесу.

Пограничник прищурился:

– Какая порода?

– Спаниель, – отвечаю, предчувствуя некий подвох. Молодой человек смотрит пристально и спокойненько так говорит:

– Спаниеля нельзя.

– Почему? Как нельзя? – начинаю я паниковать.

– Не положено эту породу. Были случаи...

Я на грани истерики. Мозг за долю секунды выдаёт десятки решений, как ответ на мой же вопрос, заданный нарастающим страхом «И что же нам делать теперь?».

– Оставляйте, – всё так же спокойно вещает джигит.

– Как? Куда? Мы не можем!

Слава богу, на этом моменте включается муж:

– Да он шутит. Вы же шутите, молодой человек?

Губы парня змеются в коварной улыбке. Вот гад!

– Так Вы шутите? Правда?

Служивый молчит, и опять подключается Коля:

– Шутит, шутит. Вон видишь, смеётся.

И словно бы по команде джигит в самом деле начинает почти хохотать. Я выдыхаю.

На паспортном контроле мы зависаем в очереди на целых полчаса из-за забывчивого дальнбойщика. Сперва он долго утверждал, что при пересечении границы в нашу сторону с него не требовали заполнения миграционной карты, затем, почуяв, видимо, все нарастающее недовольство за спиной, стал говорить, что, может, он её и заполнял, но позабыл, и, следовательно, не знает, где она, и, наконец, поняв, что и такое пояснение людей в погонах не удовлетворяет, вдруг побежал куда-то и вскорости вернулся с той самой злополучной и ненавидимой уже всей очередью вкупе с персоналом миграционной картой.

На стороне российской, как будто компенсируя за нашу, прошло всё совершенно скучно-гладко. Лишь проверяющий на паспортном контроле смутил немного Колю вопросом о родстве с небезызвестным Горбачёвым, да паренёк, досматривавший авто, настолько впечатлился нашей спанькой, что даже помахал ей вслед и крикнул «Пока, Дашка!».

И вуаля! Привет, родная Русь!!!

Сразу за Кулундой мы обнаруживаем деревушку с экзотическим названием Орлеан, к которому на придорожном ука-

зателе какой-то весельчак добавил слово New. Коротенькая фотосессия возле него, затем спонтанный перекус из колбасы и овощей у живописненького озера и гоним дальше бог знает сколько километров по так себе дороге с приятным, но однообразным видом из окна. Леса, поля, леса, леса, леса, поля, поля. И так до ночи с полнокровною луной, которая, помимо фар, была единственным дорожным освещением во внешней тьме, что с каждым мигом становилась всё плотней. Благо, что встреча попадалась крайне редко, и мы могли подолгу спокойненько катить на дальнем свете, пока совсем уже не выбились из сил. Ну, а поскольку ничего хоть сколько обитаемого нам так и не попало до сих пор, решили ночевать среди полей.

Остановившись у ближайшего пролеска и растянувшись на откинутых сиденьях под тёплым одеялком (ночь выдалась прохладная тогда), мы погрузились в долгожданный сон, который, впрочем, был очень скоро прерван каким-то непонятным копошеньем снаружи у моей двери. Странно, что Дашка никак не среагировала на звук и продолжала размеренно сопеть на задней ложе. Ну, с Колей-то понятно – сон от такого марш-броска убойный. Но собака...

– Может, посмотришь уже? – раздалось вдруг снаружи тихо, но внятно. Я села. Голос был женский и не настроенный ждать. Я обернулась на Дашку, затем посмотрела на Колю.

– Не буди их, – словно бы видя меня, сказала она. – Открывай.

Всё ещё не решаясь, я лишь коснулась двери, и она распахнулась, явив мне создание с очень серьезным, но милым лицом.

– Привет! – просияла она лучезарной улыбкой, подавая мне руку из шифоновых волн бирюзы, что служили ей одеяньем. – Ну, давай, выходи.

– Зачем? – наконец, решаюсь я на диалог.

– Полетаем, – смеётся она, демонстрируя крылья, схожие со стрекозиными, нежно-розово-голубых-серебристых оттенков, что играют всполохами чудных отливов в крошечной ночи.

– У меня таких нет, – говорю я и только теперь понимаю, почему так отчётливо вижу её в темноте. И луна здесь совсем не при чём. Яркий диск её, лишь недавно нас сопровождавший, почему-то куда-то исчез, словно бы, насытившись на славу, закатился вдруг за небосвод. Это все из-за тихого света, что исходит от таинственной гостьи самой, изнутри и как бы исподволь. Да к тому ж ещё греет, так, что даже не ощущаешь прохладную свежесть ночи.

– И не надо, – спешит она успокоить. – Полетим на моих.

– На твоих? Ты серьёзно? Вдвоём?

– А что? Что тебя так смущает?

– Ммм, но ведь это декоративные крылья, а значит, для грузовых, так сказать, перевозок они вряд ли годны, – пытаюсь я пошутить.

– Выходи и проверим. Боишься? – нападает со смехом

она.

– Ничуть. Но хотелось бы прежде понять, с кем, куда и зачем я лечу.

– Ах, да, извини. Дурная привычка – не представившись, с места в карьер, – она чуточку отступает назад, приседая в торжественном реверансе, – Разрешите представиться, – здесь явно умышленно медлит и, лишь выпрямившись, наконец, говорит, – Эга.

– Эга? Никогда раньше не слышала это имя. Это краткая форма, наверно? А полная как?

– Нет никакой полной формы. И краткой. Так меня и зовут. Просто Эга.

– Понятно. Что ж, приятно познакомиться. А я...

– Можешь не представляться, – она неожиданно отрывается от земли и лёгким движением крыльев поднимает себя примерно на двухметровую высоту, где свободно парит прелестным таким приведением. – Я знаю.

– Окей, – говорю я, загипнотизированная сим действием. – И куда мы летим?

Эга снова выбрасывает из бирюзовых шифоновых волн руку в моем направлении:

– Хватайся. Я всё покажу.

Я несмело вытряхиваюсь из машины и едва начинаю протягивать руку в ответ, как с паническим ужасом вдруг ощущаю себя сдёрнутой с тверди Земли и летящей на скорости света!

– Ты куда-а-а-а!?! Погоди-и-и-и!!! – сердце бьётся в ушах, тело плещет как флаг на ветру. – Не так быстро! Мне страшно!

– Не дрейфь, – повернувшись ко мне, улыбается Эга, – Я крепко держу. И к тому ж мы уже прилетели.

Неожиданно всё затихает, и под ноги ложится услужливо мягкий, но прочный ковер, а глазам предстает невиданной красоты снегопад.

– Зима? – удивленно взываю я к Эге.

– Не совсем, – она сочно вдыхает всей грудью, подставляя снежинкам лицо. – Здесь такого понятия нет. Нет деления, как у вас, на сезоны. Лето, осень, зима и весна здесь бывают, когда захотят, а точнее, когда кто-то их сильно захочет.

– Ничего себе! По заказу, выходит? И кто же сие заказал?

– Да никто. Место знает, что ты любишь зиму и в особенности снегопад, и решило тебе угодить.

– Ничего себе! – только и нахожусь я ответить, выставляю ладонь под неспешно струящийся серпантин и затем подношу ее ближе. Вот теперь я действительно понимаю, что имела в виду дочь-малютка одного из наших знакомых, когда говорила:

– Пап, а ты знаешь, почему снег хрустит под ногами?

– Почему?

– Потому что у снежинок ломаются хребты.

Снег был живой совершенно! Он выглядел как живой! Как способный на чувства, эмоции, боль, радость, гнев. Он

не таял, а плакал тихонько, когда исчезал у меня на глазах.

Я ловлю на себе насмешливо-изучающий взгляд и немедленно встряхиваюсь от наваждения.

– Что ещё это место обо мне знает?

– Всё, – говорит Эга, делает взмах рукой и движением дворника по лобовому стеклу стирает снежинный пейзаж.

Теперь мы стоим у крыльца симпатичного дома, что по внешнему убранству и раскрасу мог вполне себе претендовать на звание «сказочный терем».

– Это твой дом? – поворачиваюсь я к Эге.

– Не мой, а твой. Точнее, захоти ты, мог бы быть твоим. Ты ведь всегда хотела жить в своём доме?

– Хотела и сейчас хочу. Но разве он необитаем?

Снаружи дом выглядит так, как будто в нём кто-то живёт.

– Это всего лишь фасад. Внутри он пустой. Но стоит тебе шагнуть за порог и пройти по нему, в том числе своей мыслью, как он сей же час обставится всем тебе нужным.

– Ого, дом-самобранец, – смеюсь я.

– Ну, да, типа того, – подхватывает Эга. – Так что? Начнем обживать?

– Погоди-погоди. Обживать для чего?

– Ну, как для чего? – она хлопает в нетерпении крыльями и порхает вокруг мотыльком. – Чтобы жить!

– В этом месте? – развожу я руками в недоумении. – Но ведь я никого здесь не знаю. И потом, у меня там внизу Коля с Дашкой. Как они без меня?

– Не внизу, а вверху. Но не вижу проблемы. Это место твоё, а значит, ты вправе его заполнять чем и кем пожелаешь.

– Ну, а если они, те, кого я хочу видеть рядом, жить здесь не захотят? Что, тащить их силком?

– Ох, – с досадой взмывает она надо мной. – Ну как же ты не понимаешь! Никого никуда не надо тащить! Просто всё, что ты хочешь, нужно чётко представить, и оно в тот же миг образуется тут.

– Как-то очень сомнительно... И что ли... ненатурально, – говорю я в раздумье. – И что же я всем им скажу? Тем, кого я представляю? Добро пожаловать в мой новый мир?

– Можно и так, – приземляется Эга напротив. – Только он для них новым не станет, если в нем будешь старая ты.

– Погоди. Ты о чём?

– Да о том, что с такими твоими сомнениями они здесь не задержатся долго и сбегут к той другой от тебя.

– Ты меня совершенно запутала, – я уже взрываюсь почти. – К какой ещё той другой?

– Той, что спит сейчас наверху рядом с Колей и Дашкой в машине. – бросает мне Эга. – Ты ещё не устала стоять?

– Да, скамейка бы не помешала, – отвечаю растеряннo я и в то же мгновение оказываюсь на скамье с удобно откинутой спинкой и узорчатыми подлокотниками по краям. Все ещё не веря глазам, я пытаюсь проверить сиденье на прочность, немного поерзав на нем, а когда убеждаюсь в надёжности, вспоминаю про наш диалог.

– Но машина осталась внизу.

– Да нет же. То, что я предложила тебе полетать, не значит, что мы были в небе. На самом деле мы спрыгнули вниз.

– Вниз? Куда?

– Ээээ. Как бы тебе это сказать, – Эга медлит опять нарочито. – Мы спрыгнули внутрь тебя.

– Куда?! Внутрь меня? О, Боже! – вновь принимаюсь я паниковать. – И что же мне делать теперь? Как вернуться назад?

Эга молча подходит ко мне, берет меня за руки, поднимается вместе со мной над скамьей до тех пор, пока дом не становится точкой, и затем со словами «Для начала – поверить в себя», отпускает, и я с криком лечу в никуда.

Мне так жарко, что, кажется, нечем дышать. Я толкаю Коло, и мы все втроём вываливаемся в солнечное утро с пением птиц, роскошными полями и приятным предвкушением дальнейшего пути.

Первая ночёвка под российским небом состоялась.

Глава II. Дух Чои

Поколесив с денёк по всям-городам и переехав за рубеж «Алтайский край», мы взяли на Телецкий тракт с начальным пунктом в городе Горноалтайск и конечным на озере, название которого он носит.

В Горноалтайске мы купили мне российскую сим-карту, чтоб я могла делиться впечатлениями от поездки с родными и друзьями, что называется, не отходя от кассы, ну, а точнее, прямо на ходу. Сам город нас не сильно впечатлил, поэтому мы там не задержались. Прошлись чуть-чуть, пополнили съедобные запасы и двинули на поиски чудес.

Ведь это мы так только говорим, что путешествуем, то есть находимся в движении, в пути. В действительности же этот процесс таит в себе гораздо больший смысл. Мы ИЩЕМ. В каждом из нас на протяжении всей нашей жизни не иссякает эта жажда нового, доселе неизвестного, иного. В каждом из нас сидят извечные вопросы, ответы на которые мы силимся найти, в себе, других, закате и рассвете, за поворотами на жизненном пути. И всякий раз, когда нам кажется, что мы их обрели, те самые заветные секреты, то тут же понимаем – не они, и вновь надеемся на новый поворот. Да, жизнь – непостижимая интрига. И в этом ее истинная соль.

Чудеса не заставили ждать и являли себя тем обильнее, чем далЕе мы двигались в тракт. Нашим взорам, пытливым

и свежим, какие бывают у путников в самом начале пути, представал один сногшибательный вид за другим. Окна были открыты на всю, и гуляющий в них вечеряющий воздух пьянил пряной сладостью трав. Да, о, да, это именно то, чего я так страстно хотела и чего так щемяще ждала. Вот она – лепота несказанная, вот она – КРАСОТА!

Горы тракта, покрытые зеленью разных оттенков, словно бы затеяли с нами игру. Вот они набегали с обеих сторон, красуясь изгибами, а затем расходились пологими склонами, на которых паслись стада, всё равно что сошедшие с живописных картин. Вот они вылетали навстречу громадой, что грозила не пропустить, но в последний момент, будто бы передумав, всё ж таки убиралась с пути. Вот дразнили вдали необычной вершиной, то являя её, а то пряча, а потом безвозвратно скрывая за ближней горой, толком так и не дав разглядеть. Вот грядились в сторонке, словно бы избегая всего обжитого, хмурясь складками склонов, лежащих в тени. Вот спадали отвесно у самого края дороги, не решаясь ее перейти. Ну, а вот возникали вдруг впереди и так выгибались боками, будто бы собирались обнять. Как же верно подметил Высоцкий, только горы и могут быть лучше гор.

В горной местности рано темнеет, и мы стали поглядывать, где бы нам встать на ночлег. Не хотелось остаться во тьме на обочине тесной дороги и вдали от жилья и людей. Спуск, подъём, снова спуск и подъём, и вот нам открывается весьма привлекательный вид – там внизу, между гор, ва-

льяжно раскинулось довольно большое селение и приятное очень на звук. Я давно уж заметила, что коровы в здешних краях щеголяют колокольчиками солидных размеров, зычно звякающими при каждом движении тел. И сейчас они кучно спешили домой на вечернюю дойку, наполняя пространство весьма беспорядочным перезвоном, который, однако, ощущался как Благовест в этом дико-суровом контексте.

В первом же попавшемся магазинчике нам подсказали, где можно поесть и переночевать, и даже туда позвонили. Место это было как раз по пути и настолько приметное, что найти его не составляло труда.

У забора, с внешней его стороны, стояла самая что ни на есть бабаёжья избушка, с лесенкой, ведущей к двери, ступой и метлой по бокам. Рядом с ней большой круглый стол с сидениями в форме пней, а за ним шашлычная зона, выполненная в стиле русской печи с причудливым деревянным навесом, наподобие чьих-то рогов. Людским духом однако не пахло – изба на замке, и в мангале давно не топились.

Мы успели немного пофотосесситься до того, как явилась хозяйка и открыла ворота для нас. Там внутри, на приличных размерах участке, было несколько разнобойных строений, и одно из них, отстоявшее особняком, небольшой интересный домишко, станет нашим приютом на ночь.

Но, однако, гостями мы здесь оказались неожиданными, потому как хозяйка, несмотря на все наши «не надо-зачем», притащила воды и вымыла в домике пол. Уже позже, беседуя

с ней и хозяином, мы узнали, что этот их бизнес, взлетев в гору в последние годы, нынче резко упал, и они вознамерились, распродав всё, покинуть Алтай. Правда, тут их ждала другая загвоздка – никто не спешил покупать.

В нашей хижине было несколько крохотных комнат с тремя лежаками, включая диван и кровать, самодельным комодом, кроватными спинками и колесом от телеги, что вкупе с колосьями и орудиями сельскохозяйственного труда, служили своеобразным украшением интерьера, телевизором, угловым обеденным столиком, умывальником и сенями-мини летним кафе.

Не успев осмотреться как следует, мы уже наслаждались ароматнейшим чаем из трав, приготовленным нашей хозяйкой, а ещё погода, отмывали дорожную грязь в просторной натопленной бане, о какой не могли и мечтать. И мне думалось, что как только я доберусь до подушки, то тут же срублюсь наповал, настолько расслабленной паром и чаем я ощущала себя. Не тут-то.

Усталость усталостью, но фишка моя плохо спать в чужом месте так и осталась при мне. А тут ещё эти котята... Ах, да, я ж совсем упустила сие.

Когда мы ждали чистых полов у крыльца, то познакомились с хозяйской кошкой, чей необычный окрас бросался в глаза даже в полутьме. Черно-бело-рыже-коричневый он весьма походил на оперение птицы. Эдакий мини-тигрёнок в обличье совы. И сейчас у неё имелись котята, большие уже,

потому как она их долго и тщательно прятала, так и не дав потопить, а потом привела их сюда, на чердак, где они и продолжали жить.

Сразу не сообразив, что здесь к чему и не смея растормошить Колю (так сладко он спал), я какое-то время насто-роженно вглядывалась в потолок, начиная серьезно подозре-вать, что у них там, на крыше, сарай и совсем не с курами, а с какой-нить увесистой живностью. Очень было похоже на то, что её обитатели целый день преспокойненько спали и лишь к ночи опомнились, что им надо срочно играть. И не знаю уж, как и каким числом они там играли, но весь дом, не страдавший нисколько шумоизоляцией, в прямом смысле ходил ходуном.

Через мутное стёклышко в единственном в доме окне бы-ло видно, что всходит полнеющая луна. В голове пробегали какие-то мысли, к которым я, однако, была равнодушна, до-садуя, что никак не сподоблюсь заснуть.

– Эй, не спится? – раздалось приглушённое за окном.

Ещё больше насторожившись, я села в постели, пялясь во всю в темный двор.

– Я здесь, – помахало мне что-то прозрачное такой же прозрачной рукой.

– Кто... ты? – холодея, едва я сумела спросить, на что мне засмеялись игриво в ответ:

– Ну, здравствуйте, уж и не признаёт. Ведь это же я, знакомая твоя новая, Эга.

– Но ты не похожа..., – пытаюсь я неуверенно возразить.

– На что, на себя? – прозрачная сущность красуется с разных сторон. Лицо вроде женское, одежда как платье, но всё это словно набросано в воздухе карандашом.

– Мы, дУхи, такие, спонтанные и непостоянные. Как сама жизнь. Ну, что ты? Давай, выходи.

– Но я не могу так... Мне надо одеться, – начинаю я мямлить. – А если хозяев разбудим? Что я им скажу?

– Не разбудим. В горах крепкий сон. Не волнуйся. Лезь через окно.

– С ума сошла? Тут же стекло.

– Ну, так полнолуние, – делает она взмах в сторону яркого диска, что наполовину выбрался из-за горы.

– А оно здесь причем? Где тут связь?

– Как? Ты разве не знаешь? У полной луны есть такая способность – менять свойства того, что её отражает.

– Не знаю. В школе этому не учили. Ну, и как она может менять?

– Отражающая поверхность становится менее плотной, разреженной, – по-учительски снисходительно сообщает мне Эга. – Так что, можешь нырять.

– Потому ты такая прозрачная? – пытаюсь я переварить. – Ну..., попробуем, – решаюсь я, наконец, и тотчас покидаю кровать.

Даже не представляю, как у меня это вышло. Выскользнув или же просочившись через стекло (Оба глагола подходят,

но в то же время и недостаточно хороши для описания сего действия, т.к. не в состоянии передать его суть, а в нашем людском лексиконе нет специальных для этого слов, в силу отсутствия опыта. Много вы знаете человек, умеющих проходить сквозь стекло?) я оказалась висящей с другой стороны и вниз головой почему-то. Эга сию же секунду легко перекувыркнулась и сравнялась со мной неким подобием глаз:

– Ну, и что? Тебе так удобно?

– Нет. Но я не пойму, как это исправить. Что нужно сделать?

– Забыть, что ты человек.

– Ничего себе требования! Нет уж, лучше я так повишу, – бросаю я резко.

– Ну, виси, – она делает вид, что уходит. – А я думала, может, слетаем на гору, Луну посмотреть.

– Но как я могу? Ты же видишь, вишу и вишу.

– Висишь, но ведь ты же не в теле. Значит, можешь много другого ещё.

– Как не в теле? – тут я начинаю пытаться себя разглядеть и невольно перемещаюсь вверх головой, или что там теперь у меня. – Господи, да ведь это не я, – шепчу я себе почти в ужасе. – Неужели всё из-за стекла?... Как ты думаешь, если назад занырну, стану снова нормальной?

– Ох и глупая, – раздражается Эга. – Ты сейчас нормальнее некуда. Самый что ни на есть нормалёк!

– Для тебя, может быть. Но для Коли и Дашки навряд ли, –

возражаю я в полном отчаянии. – Ведь меня сейчас попросту нет!

– Визуально. Но суть-то на месте. Так что? Мы летим?

– А надолго? – всё ещё ошарашенная пытаюсь я сообразить.

– Долго, быстро, – Эга явно теряет терпение. – Пора бы давно уж понять, что ты не в своём измерении. Время здесь – не часы на стене, а твоё восприятие, которое можно менять. Можешь даже назад отмотать.

– Так вот значит, – хочу всплеснуть я руками, но тут же спохватываюсь, что их там как будто бы нет. – Сюрприз за сюрпризом. Нет, ну это прикольно, конечно. Как минимум. Но ты ведь должна понимать, что меня, человека из крови и плоти буквально минуту назад, не может не волновать, как теперь с этим жить.

– Понимаю, – она кажется впавшей в раздумье, или попросту делает вид.

– И? – мой черед раздражаться.

– Что и?

– Скажи, как вернуть всё назад.

– Боже мой, да ну проще простого, – я не видела этого, разумеется, но была абсолютно уверена, что она закатила глаза. – Нужно только заснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.